

СТАТЬИ

УДК 81'373.21 + 81'286 + 811.221.16

А. Лома

ИЗ ТОПОНИМИИ ДРЕВНЕЙ СКИФИИ — В ПОИСКАХ СТРАНЫ БУДИНОВ*

К л ю ч е в ы е с л о в а: историческая география, топонимика; Скифия, Россия; Геродот; будины, меланхлены, борисфениты.

Древнерусский город *Курьскъ*, впервые упомянутый в 1035 г., получил свое имя, по-видимому, от руч. *Кур*, впадающего в р. Тускарь. Без надежной этимологии этот гидроним подозревается в неславянском происхождении. В самом деле, Курск лежит в области распространения балтийского гидронимического субстрата и юхновской археологической культуры железного века, приписываемой древним балтам, а точнее, предположительно, балтоязычным будинам Геродота. Ввиду этих фактов кажется возможным отождествление Курска с древним Кариском, упоминаемым Аристотелем в качестве населенного пункта в стране будинов. Гласный *-у-* славянской формы можно объяснить переходом *ā* в *ō*, происшедшим в большинстве балтийских диалектов достаточно рано, чтобы отразиться в субстратных гидронимах на русской почве, например *Ужсена* ~ лтш. *Āžupe* «Козлиная река». Следовательно, **Kurbь*, **Kurbьskъ* возводимо к **Kāros*, **Kāriskos* через балт. **Kōr-(as, -iskas)*, учитывая, что вторичный суффикс **-isko-* является общим наследием в балтийских, славянских и германских языках и был присущ континентальному кельтскому. Оставив в стороне этимологию основы **Kār-*, отметим, что предложенная нами топонимическая преемственность находит подтверждение в пересмотре некоторых проблем, касающихся исторической географии Скифии. Уже замечено, что маловероятное продление скифского похода Дария вплоть до Волги

* Работа выполнена в рамках проекта № 148004 «Этимологические исследования по сербскому языку и разработка Этимологического словаря сербского языка», финансируемого Министерством науки Республики Сербии.

© Лома А., 2010

в геродотовском рассказе, по всей вероятности, произошло из-за смешения двух рек, т. е. Днепра (*Varu-*) с Волгой; то же самое следует принять и относительно размещения Геродотом земли будинов между Доном и Волгой, кстати, противоречащего его утверждению, что будины были восточными соседями невра. Если допустить, что они в самом деле жили на территории юхновской культуры, в современных областях Курской, Брянской, Орловской и Черниговской, все как будто складывается само собой: невра в верхнем Приднепровье, отождествляемые с носителями милоградской археологической культуры в южной Белоруссии и восточной Украине; приднепровские скифы (др.-греч. *Borysthenenítai*, др.-иран. **Varu-skula-*, откуда гидроним *Ворскла*) на юге; меланхлены («черноодетые», др.-иран. *Sau-dar-ata-*) на востоке. Будины, живущие около Кариска, в пограничной зоне к меланхленам, отмечались, согласно Аристотелю, разведением черных овец, что, очевидно, находится в связи с черными шерстяными плащами (др.-греч. *chláina*) меланхленов.

В отличие от славянского юга, где на территориях, входивших некогда в состав Римской империи, в ряде мест обнаруживается не только преемственность славянских поселений с древними городскими, но и сохранение их дославянских имен — например, *Pulprudeva* > *Пловдив* в Болгарии, *Scupi* > *Скопје* в Македонии, *Naišsus* > *Ниш* в Сербии, *Салона* > *Солин* в Далмации, *Risinium* > *Рисан* в Черногории и т. д., — субстратная топонимия севернославянского ареала, за малыми исключениями, ограничивается гидронимией. Да и пока единственный случай *Калиша* в южной Польше, возводимого к *Калисии*, которая упоминается Клавдием Птолемеем, теперь ставится под сомнение¹. Подобное положение вещей можно объяснять тем обстоятельством, что, кроме греческих колоний в северном Причерноморье, куда славяне попали довольно поздно, вряд ли можно рассчитывать на существование в доисторическом и древнем периоде настоящих городов в тех частях Европы, где находится прародина славян (или, пожалуй, балто-славян), не говоря уже об исторических изменениях в жизни городов. Однако надо учесть и другую причину — недостаток письменных источников, сопоставимых с теми, которые освещают прошлое стран, лежащих ближе к очагам средиземноморской цивилизации. По меньшей мере, рассказ Геродота о деревянном городе Гелоне в стране будинов и современные раскопки на Бельском городище доказывают, что и в глубинах материка были уже в скифскую эпоху большие, длившиеся столетиями городские агломерации. К вопросу о местоположении Гелона и попыткам отождествить его с Бельским городищем мы еще вернемся, хотя не этот, а другой топоним земли будинов стоит в центре внимания настоящей статьи.

¹ Ввиду отождествления древнего *Laugaricio*, современного Тренчина в западной Словакии, с Левкарисом на карте Птолемея приблизительное совпадение местоположения Калиша с птолемеевскими координатами оказалось мнимым.

Речь идет об отрывке из какого-то потерянного сочинения Аристотеля, сохранившем Клавдием Элианом в трактате «О природе животных» (Claudius Aelianus, *De natura animalium* XVI, 33). В переводе В. В. Латышева [ВДИ, 1948/2, 225] данное место гласит:

Аристотель говорит, что у быков в стране невров рога и уши вырастают из одного и того же места и связаны между собой... Приведем еще и следующее *известие*² сына Никомахова: он говорит, что у будинов, живущих кругом Кариска, не рождаются белые овцы, но что все они черные.

Формулировка «живущих кругом Кариска» (ἐν τοῖς περὶ τὸν Κάρισκον... οἰκοῦσιν) указывает на то, что Кариск был населенным пунктом, достаточно большим и известным, чтобы можно было использовать его в качестве ориентира. В комментарии к переизданию латышевского свода [Там же, прим. 6] Л. А. Ельницкий относительно имени *Кариск* замечает: «Вероятно, следует сопоставить с пунктом *Κάρισκα* (Theophilact., VIII, 8, 7) или *Securisca* (Itin. Ant. 221) в Нижней Месии». На самом деле это сопоставление несостоятельно ни географически, ни филологически. Согласно Геродоту, будины обитали не на правом берегу нижнего Дуная, а в верховьях Дона³. *Κάρισκα* на указанном месте из Феофилакта Симокаты — явно искаженная форма, которую издатели исправляют на *Κοῦρισκα*, как сам Феофилакт обозначает тот же пункт в другом месте своей Истории (VII, 2, 19), а это *Κοῦρισκα*, в свою очередь, является искажением в рукописной передаче или в живой речи VII в. н. э. топонима *Securisca*, отмеченного Итинерарием Антонина [ср.: СДПИС, II, 32, 42, 44, 58, прим. 113]. Ясно, что данная местность к аристотелевскому Кариску не имеет никакого отношения. Но где его искать?

Тридцать лет назад, когда начинали заниматься скифскими и славянскими древностями, мы пришли к предположению, что Кариском мог бы быть современный и уже древнерусский город Курск⁴. Однако несколько соображений заставило нас не выступать тогда с этой гипотезой. Первое касается истории гласных: как соотносить *a* древней формы с корневым *у* славянского имени? Другое — словообразовательной природы: древнерусский топоним *Курьскъ* является вторичным производным от имени речки *Кур*, в устье которой лежит город, и более того, он образован посредством суффикса **-ьскъ*, праславянская древность которого спорна. И наконец, если верить Геродоту (там, где он определенно высказывается), земля будинов лежала гораздо восточнее Курской и прилегающих к ней областей, а значит, далеко от тех территорий, куда большинство ученых помещают прародину славян.

² Курсивом в ВДИ обозначаются дополнения С. П. Кондратьева к переводу В. В. Латышева.

³ Или, по меньшей мере, в среднем Приднепровье, см. ниже.

⁴ Др.-рус. *Курьскъ* (Жит. Феод. Печ., около 1035; Лавр. лет., 1095), *куряни* (Сл. полк. Иг., 1185) и т. д.

Как видно, сначала мы исходили из допущения, что будины были праславянами, и попытались установить прямолинейную связь между формами *Кариск* и *Курск*. С течением времени в результате, скажем, более глубокого проникновения в этническую и палеолингвистическую проблематику доисторического периода дело представилось нам в новом, для сопоставления двух топонимов более надежном свете. Здесь очень важным оказалось свидетельство археологов, согласно которому в железном веке на территории Курской, Брянской, Орловской и Черниговской областей была распространена так называемая юхновская культура. По преобладающему мнению (опирающемуся, между прочим, на лингвистический анализ гидронимии верхнего Поднепровья, проведенный В. Н. Топоровым и О. Н. Трубачевым [1962], обнаружившими там плотный пласт балтийских названий), носители этой культуры были балтоязычны [ср., например: Седов, 1970, 31–32]. Отдельные ученые, например Б. А. Рыбаков [1979, 152 и далее], прямо относят их к геродотовским будинам. Итак, если будины были юхновцами, а те — прабалтами, через балтийский языковой фильтр уже можно попасть от *Кариска* к *Курску*.

Исходя из предпосылки, что в *Kúrisko* *a* было долгим, отсюда могло получиться славянское *Kurьskъ* посредством какого-то идиома, в котором совершался переход $\bar{a} > \bar{o}$, поскольку в раннюю эпоху в славянском долгого \bar{o} не существовало и в иноязычных словах оно воспринималось как свое *ou > ū*. Яркий пример подобного развития представляет собой гидроним **Dunavъ* ‘Дунай’, восходящий через гот. **Dōnawi* к лат. *Dānuius*. Готское посредство и в данном случае теоретически представимо: в III в. н. э. часть готов, передвигающихся с нижней Вислы к Причерноморью, могла остановиться в Курской области, перенять у юхновцев название местности и позже передать его в измененном виде славянам. Все-таки в отсутствии других археологических или топонимических следов древних германцев на данной территории гораздо более вероятным представляется для славянской словоформы непосредственное заимствование ее от прабалтов.

И.-е. долгое **ā* в прабалтийском сохранялось, но позднее в большей части древнебалтийских диалектов оно перешло в \bar{o} , \bar{u} , и только в латышском не совпало с рефлексамми долгого \bar{o} , ср. лит. *mótė*, др.-прус. помезанское *mothe*, самбийское *mūti*, лтш. *māte* ‘мать’ из и.-е. **mātēr*. Это случилось довольно рано, когда древние балты еще жили на территориях, занятых потом восточными славянами, свидетельством чего является гидронимический субстрат. В топонимии балтийских земель хорошо представлено прабалтийское название козла **āžjas*, лежащее в основе лит. *ožys*, лтш. *āzis*. В верхнем Поднепровье оно отражено с начальным **ā-* в *Ажовка / Ажевка* [Топоров, Трубачев, 1962, 175], но в Калужской области имеется гидроним *Ужена*, который уже Фасмер удачно сопоставил с лтш. *Āžupe* «козлиная река» [Vasmer, 1971, 233, 235, 238]; следовательно, балтийское слово для козла там славяне слышали с \bar{o} -анлаутом. Подобные явления, очевидно, связаны с диалектными различиями внутри древнебалтийского языкового комплекса и с различным временем славизации отдельных территорий. Следует

допустить, что и топоним *Курск* славяне почерпнули из какого-то балтийского \bar{o} -диалекта.

Аристотелевское Κάρισκος представляет собой гапакс, и если оно хорошо передано нам, интерпретировать его можно по-разному, но самой вероятной интерпретацией этого топонима представляется выделение в нем корня (основы) $*kar-$ и суффикса $-isko-$. Некоторые исследователи так же, как Антуан Мейе и ученик его Андре Вайан, оспаривают исконность суффикса $*-isko-$ в балто-славянском и выводят слав. $-ьскъ$ из германского, а лит. $-iškas$ из славянского [Meillet, 1905, 332; Vaillant, 1958, 682, § 319]. Мы не видим для этого никаких оснований. Если данный суффикс и заимствован романскими языками из германского, если даже др.-прус. $-iska-$ из немецкого, это еще не означает, что славянский и литовский языки, в которых он столь продуктивен, не унаследовали его вместе с германским из праиндоевропейского. Суффикс не является исключительной принадлежностью германского, он был присущ и кельтскому, судя по названиям галльских племен скордисков, таврисков и эрависков ($\Sigma\kappa\omicron\rho\delta\iota\sigma\kappa\omicron\iota$, *Scordisci*; Ταυρίσκολ , *Taurisci*; *Eravisci*). Эти этнонимы появляются в источниках с III в. до н. э., тогда как Аристотель писал раньше, в предшествующем столетии. Следовательно, если оставить в стороне древнегреческое уменьшительное $-ισκος$, можно говорить об общем кельтско-германско-балтийско-славянском суффиксе $*-isko-$, засвидетельствованном впервые в IV в. до н. э. именно топонимом Κάρισκος , в одной отнюдь не германской, а, по всей вероятности, древнебалтийской этнической среде.

Первоначальной функцией суффикса $-isko-$ считается вторичная топонимическая деривация типа лит. *Kūpiškis* «поселение на реке *Kupa*» [Otrębsky, 1963, 294], ст.-сл. *Иерусалимьскъ*, др.-рус. *Вутебскъ* (от имени реки *Вутьба* > *Вудба*), так что и *Karisko-* прежде всего могло бы быть прилагательным, производим от какого-то гидронима или топонима с основой $*kar-$. Данная звуковая цепочка слишком коротка, при невозможности определения количества гласного *a* в греческой передаче, чтобы подвергнуть ее надежной этимологической интерпретации. Но если *Karisko-* действительно продолжается в славянском *Курск*, тогда, согласно вышесказанному, в корневом слого древнего названия надо принять долгое \bar{a} , а таким способом выбор возможных этимологий сужается, поскольку фонема \bar{a} в индоевропейских языках довольно редка. Собственно в балтийском можно указать на общебалтийский корень $*kār-$, без явных внутрибалтийских связей и без надежных индоевропейских соответствий [ср.: Fraenkel, 283; Smoczyński, 305], к которому возводятся лтш. *kāre(s) / kāris* «соты», лит. *korj̃s*, род. *kōrio* «то же; сотовая ячейка», *korūs* «дырявый, пористый», *korėti, korýti, koriúoti* «стать дырявым, пористым», возвр. *koriúotis* «выгибаться, таять (о грунте), размораживать»⁵. При этом

⁵ Можно сравнить с.-х. *krávitū (ce)* «растоплять(ся), таять», рус. диал. *откороветь* «отбухнуть, отомкнуть, оттаять», без надежной этимологии [ср.: ЭССЯ, 11, 116–117], только ударение указывает на прасл. $*korv-$ ($-\bar{a}$), а не $*karv-$ ($-\bar{a}$).

в фокусе нашего исследования не происхождение данной основы — допустимо, что оно добалтийское и даже доиндоевропейское, — а балтийский характер производного *Karisko*- и возможность отражения его в древнерусском *Курьскъ*. Это подразумевало бы, что и гидроним *Кур* (*Кура*) продолжает первичное название **Kār-*, обозначавшее либо сам ручей Кур, либо место впадения его в Тускарь.

Наша гипотеза не имела бы смысла, если бы *Кур*, с вариантом *Кура*, встречающимся в качестве гидронима и в других местах (семь раз в [WBRGN, II, 619], s.v.), поддавался убедительному толкованию на славянской почве, но из обзора предложенных до сих пор интерпретаций можно сделать вывод, что такого нет. Преобладает мнение, что этимология этого имени неизвестна [Никонов, 1966, 222; Нерознак, 1983, 98–99; Смолицкая, 1996, 5, 76; Журавлев, 2007, 145–146]; отождествление его со славянскими апеллятивами *кур* ‘петух’ [Vasmer, 1956 = 1971 (II), 768; Роспонд, 1972, 21–22] или *кур* ‘прах, пыль’ [Роспонд, 1972, как альтернатива предыдущему], со словообразовательной точки зрения довольно странное, считается сегодня малоубедительным [Нерознак, 1983; Журавлев, 2007]; связь с *курья* ‘речной залив’ [Яценко, 1958; он же, 1973; Поспелов, 1998, 232; ср.: СРНГ, 16, 151–152, s. v.] отвергается из-за того, что это слово — северновеликорусское, заимствованное из финно-угорского [Журавлев, 2007; ср.: Матвеев, 2001, 195–196; Аникин, 2000, 334–335]⁶. Притом есть ученые, в частности Нерознак [1983], допускающие балтийское происхождение, кстати без конкретного этимологического уточнения, только с указанием на такие созвучия, как *Корейка* / *Курейка* в верхнем Поднепровье, сопоставляемое В. Н. Топоровым и О. Н. Трубачевым с др.-прус. *Kureyn* / *Koreyn* [Топоров, Трубачев, 1962, 191, 192]⁷. Созвучные производные в топонимии славянских земель вроде рус. *Курск*, владение Новгорода, пол. *Kursko* у Познаня, приведенные Ст. Роспондом в пользу славянской этимологии, также поддаются различным толкованиям; между прочим, в их основе допустим балтийский этноним *куры*, *куруши*, нем. *Kuren*, *kurisch*. Есть и попытка объяснить др.-рус. *Курьскъ* именно из этого этнонима (согласно В. А. Никонову [1966]), но в этом случае следовало бы исходить из его форм без *-s/-š-*, которые в русский и немецкий проникли через финское посредство [ср.: Фасмер, II, 338]. Звуковое совпадение различных по происхождению имен — вещь не редкая. Чтобы ограничиться примерами топонимов на **-bškъ*, ср. рус. *Середская* и серб. *Средска* на северных склонах Шар-планины, предположительно отражающее дославянское имя горы *Scardus* [см.: Лома, 1991, 131–133], пол.

⁶ Источником заимствования является коми *kurja* ‘то же’, вероятно, родственное финскому *kuri* ‘борозда’ [ср.: Фасмер, II, 431]. Согласно В. А. Никонову [1966], с гипотезой о связи имени *Курск* с балт. [sic!] *куру* ‘ущелье, борозда’ выступил уже М. В. Веске [1890].

⁷ По поводу гидронима *Кур* Ст. Роспонд упрекал В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева в том, что в их труде «круг ономастических балтизмов понимается иногда слишком широко», хотя соавторы его не упоминают; на указанных Роспондом страницах ими только сопоставляется *Корейка* / *Курейка* с др.-прус. *Kureyn* / *Koreyn*. Ср.: [Журавлев, 2007, 146, прим. 63].

Grodzka (*wieś*) и серб. *Гроцка*, городок у Белграда, имя которого, согласно И. Поповичу, возводимо к латинскому названию пункта близ Сингидунума *Gratiana* [Poročić, 1960, 104]⁸. Таким особым случаем топонима с внутриславянскими созвучиями, но возможными дославянскими корнями является, вероятно, *Курск*.

С историко-географической точки зрения небезынтересно, что Аристотель говорит о том, «что у будинов, живущих кругом Кариска, не рождаются белые овцы, но что все они черные» (ἐν τοῖς περὶ τὸν Κάρισκον Βουδίνοις οἰκοῦσιν οὐ γίνεσθαί φησι πρόβατον λευκόν, ἀλλὰ μέλανα πάντα). Это сведение тем или иным способом должно быть связано с меланхленами (Μελάγχλαινοι), греческое название которых, согласно Геродоту (IV, 106), произошло от того, что все они носили черные одежды; греч. χλαῖνα собственно — шерстяной плащ; мало вероятно, что шерсть для выделки своих плащей меланхлены нарочно окрашивали в черный цвет или что они черную шерсть импортировали; по всей вероятности, у них разводились только черные овцы, как и у будинов в области Кариска, упомянутых Аристотелем⁹. Безусловно, эта область граничила со страной меланхленов. Правда, Курск находится на юго-восточном рубеже юхновского ареала, тогда как из Геродота (IV, 20–21) можно сделать вывод, что меланхлены, помещаемые им где-то между Днепром и Доном, были западными соседями будинов, якобы обитающих по ту сторону среднего Дона¹⁰. Такое местоположение земли будинов противоречит не только склонности современных археологов помещать ее в область распространения юхновской культуры, но и рассказу самого Геродота в главе 105, откуда следует, что будины были восточными соседями невраов,

⁸ Хотя есть основания допустить здесь и нерегулярный на южнославянской почве рефлекс прасл. **gordь* [ср.: Лота, 1991, 113 и далее].

⁹ Интересной этнонимическо-этнографической параллелью к геродотовским меланхленам являются *Каракачаны*, греч. Σαρακατσάνοι и Καραγκούνηδες, серб. *Црногуьци*, *Црновунци* «носящие черные гуни (т. е. шерстяные одеяла)», румыноязычные или грекоязычные этнические группы на Балканах неизвестного (древнегреческого, фракийского, влашского, тюркского?) происхождения, характеризующиеся отгонным скотоводством, черными одеждами из шерсти и выращиванием черных овец (якобы белых барашков закалывали, выращивали только черных). Эта параллель могла бы быть не только типологическая, но и генетическая, особенно если допустить, что меланхлены были фракийским племенем. Но их иранское происхождение более вероятно ввиду сарматского этнонима Σαυδαράται, который убедительно истолкован Фасмером как *saw-dara-ta* «одетые в черное»; речь шла бы о самоназвании древнеиранского племени, которое греки перевели как Μελάγχλαινοι. Возможно, на данной территории древние балты смешивались с иранскими скотоводами, ср. предложенное В. Н. Топоровым и О. Н. Трубачевым толкование гидронима *Тускар(ь) / Тускорь* из иран. **tusk-* ‘пустой’ [Топоров, Трубачев, 1962, 227]; можно исходить и из осет. *tusk'a* ‘кабан’, скиф. Θυσκης имя собственное [ср.: Абаев, 3, 320–321].

¹⁰ «По ту сторону Герра [?] ... живут самые лучшие и многочисленные скифы [т. е. царские] ... часть же их владений простирается до реки Танаиса [т. е. Дона]. Местности, лежащие к северу от царских скифов, занимают меланхлены ... (21) За рекой Танаисом уже не скифская земля; первый из тамошних участков земли принадлежит савроматам ... выше савроматов ... живут будины» (перевод В. В. Латышева) [ВДИ, 1947/2, 262–263].

живших правее от Днепра¹¹. Отец истории очевидно где-то запутался; уже замечено [Schramm, 1973, 113–115; Harmatta, 1990, 129], что путаница произошла из-за смешения Днепра с Волгой. В самом деле, Геродот большую реку, которую в данных контекстах следует отождествлять с Волгой, обозначает именем Ὀαρος, являющимся довольно точной древнегреческой передачей древнеиранского прилагательного *varu-* ‘широкий’¹². Волга в действительности широкая река, но в древности она была известна под другим именем, восходящим к древнеиранскому **Rāha-*¹³, тогда как именем **Varu-* причерноморские иранцы обозначали Днепр; это название отразилось в гуннском *Var* у Иордана и в печенежском *Вароуѡх* у Багрянородного, с расширением, присущим осет. ирон. *vaeræx*, дигор. *urux* ‘широкий’, *Urux* река в Осетии [Vasmer, 1923, 161; Абаев, 1979, 308; 4, 90–91; Schramm, 1973, 99–100], а к нему, по всей вероятности, восходит первый компонент древнегреческого имени Днепра *Вору-σθένης*¹⁴. Приняв Волгу за Днепр, Геродот не только переместил будинов из верхнего Приднепровья в задонские

¹¹«Невры ... поселились вместе с будинами, покинув свою родину» [ВДИ, 1947/2, 278], ср. в гл. 17–18: «Начиная от Торжища борисфенитов ... первыми живут каллипиды ..., а выше их другое племя, которое именуется алазонами ... Выше алазонов живут скифы-пахари ... Выше них живут невры. (18) Эти племена живут по реке Гипанису к западу от Борисфена [= Днепра]» [Там же, 261–262].

¹²«В продолжение своего пути через Скифию и Савроматию персы ... вторглись в землю будинов ... встретили здесь на своем пути деревянное укрепление [= Гелон] ... и сожгли его. После того они продолжали свое наступательное движение по следам скифов, пока не вступили в пустыню, пройдя страну будинов. Над пустыней живут фиссагеты, а из земли их четыре большие реки текут через землю меотов и впадают в озеро, называемое Меотидою; имена их следующие: Лик, Оар [= Волга?], Танаис и Сиргис. (124) Дарий, пришедший в пустыню, приостановил свое наступательное движение и расположился с войском у реки Оара (Hdt. IV, 123–124) [ВДИ, 1947/2, 282].

¹³‘Pā у Птолемея; ср. авест. *Raṣhā* — название мифической реки, др.-инд. *Rasā* — то же, сущ. *rāsa-* m. ‘сок, жидкость’, далее лит. *rasà*, слав. *rosa*, лат. *rōs*, *rōris*. Древнеиранское имя Волги продолжается в мордвинском *Rav(-a, -o)*, а косвенно и в русском *Волга*, от прасл. **vьlga* ‘сырость, влага’, очевидно калькирующем его [ср.: Фасмер, 1, 336–337; Schramm, 1973, 115 и далее].

¹⁴Вторым членом этого названия, очевидно, уподобившегося греческим личным именам типа Δημο-σθένης, являлось бы, согласно наиболее широко принятому толкованию, др.-иран. *stāna* — ‘стояние; стоянка; место’ [Müllenhof, 1866, 574; Vasmer, 1923; Абаев, 1979; и т. д.]. Все-таки, если принять скифское развитие и.-е. **k’ > θ* [Витчак, 1992, 55–57; Лома, 2000, 341], семантически более вероятной кажется связь с авест. *sanaka-* (*sanake Raṣhaya* ‘в пойме [лучше чем: в устье] реки Раха [= Волги?]', см. выше прим. 12), хот.-сак. *san-* ‘подниматься’, согд., парф. *sn-* ‘то же’, др.-инд. *śānais* ‘постепенно’, следовательно, скиф. **Yuru- < *Varu-ḍana-* или **Varauš* (род.) *ḍana-* ‘пойма реки Вару = Днепра’ как обозначение нижней части течения реки, где и находился «город борисфенитов» — греческая колония Ольвия. Возможно даже, что др.-греч. Τάναϊς ‘река Дон; город в его устье’ отражает не др.-иран. **dānu-* ‘река’ (откуда слав. *Дон*, др.-рус. род. *Дону*), как это обыкновенно предполагается, а древнеиранский местный падеж **ḍanai* ‘(город) в пойме (Дона)’. Переход **θ > t-* в данном имени мог совершиться в сарматских устах, поскольку Дон во времена Геродота являлся границей между скифами и сарматами, а в осетинском (и уже в сарматском) др.-иран. **θ* перешло в *t*.

земли, но и скифский поход Дария вопреки всякой вероятности протянул на восток вплоть до Поволжья. Итак, если причислить геродотовскую Задонщину к списку заблуждений отца истории, оставшиеся кусочки складываются в гармоничную картину: будины помещаются там же, где и юхновцы, между неврами на западе, соотносимыми с милоградской археологической культурой в южной Белоруссии и северной Украине [ср.: Седов, 1970, 34 и далее; Рыбаков, 1979, 145–148], и меланхленами на востоке, в Воронежской области, а ареал черных овец в юго-восточной части земли будинов около Кариска — предположительно, Курска — соприкасается с ареалом «черных платьев», расположенным между верхним Поднепровьем и средним Доном.

Если Курск действительно древний Кариск, это по-новому объясняет и проблему местонахождения другого города в стране будинов, Гелона, описываемого Геродотом (IV, 108). Юхновская культура распространялась, кроме Курской, и в современных Брянской, Орловской и Черниговской областях; городище на реке Ворскле у села Бельск Полтавской области, отождествляемое частью археологов с Гелоном, лежит гораздо южнее; кроме того, гидроним *Ворскла*, др.-рус. *Върьскла*, *Ворскола*, *Ворскль* возводим к праформе **Vorъskъl-* / *Въръskъl-*, отражающей скифское племенное название **Varu-skula-*, дословно «днепро-скифы», словосложение, где первым компонентом является вышеупомянутое др.-иран. прилаг. **varu-* ‘широкий’ (возможно, с перегласовкой **vuru-*, как в *Ворυσθένης*) в качестве скифского имени Днепра, а другим — самоназвание скифов **skula-*, передаваемое Геродотом как *Σκόλο-τοι* = **skula-ta*, восходящее к более древнему **skuda-*, откуда др.-греч. *Σκόθα*, ассир. *Ašguzzai* [Szemerényi, 1980; Loma, 2000, 343; ср.: Schmitt, 2003, 20–21; Maqrhofer, 2006, 16]. Этот этноним, пожалуй, был распознан в составе имени *Ворскла* уже Б. А. Рыбаковым, который, между тем, предлагал иную интерпретацию его первой части, вряд ли более убедительную, чем прежние этимологии данного гидронима¹⁵. Принятое нами толкование опирается на тот факт, что уроженцев днепровского левобережья, «скифов-земледельцев» (греч. οἰγεωροὶ Σκόθα), ольвийские греки называли «приднепровцами» (*Ворυσθενεῖται Σκόθα*). Если мы правы, это греческое название представляет собой, как в случае меланхленов-савдаратов, перевод древнеиранского, реконструируемого нами как **Varu-skula-* «приднепровские скифы». Следовательно, Бельское городище приходится связывать с борисфенитами или скифами-земледельцами, которые были южными соседями будинов, если землю последних отождествлять с областью распространения юхновской культуры. Тем самым Гелон следует искать не на Ворскле, а севернее. Из гидронимов, на которые указывалось как на возможные отражения топонима *Γελωνός* [Стрижак, 1988, 103–109], два находятся вне границ юхновского ареала (летописная *Желянь* не-

¹⁵*Ворьсколь* «пограничное укрепление скелотов»; в первой части — слав. *ворь* ‘забор, бревенчатое укрепление’ (!?) [Рыбаков, 1979, 218 (прим. 30); ср. Фасмер, 1, 356].

далеко от Киева, *Желонь* в бассейне Припяти), а два — внутри него, оба в бассейне Десны; из них *Желень / Жилень*, приток Сейма, течет по Курской области, а *Желонка*, укр. *Жолонка*, приток Снопоти, находится на Брянщине, т. е. на противоположном от Курска, северо-западном крае предположительной страны будинов. Для Гелона надо предпочесть последнее местоположение, исходя из отождествления Кариска с Курском и ввиду географической логики, предполагающей, что если в стране существовали два больших городских центра, вряд ли оба были расположены в одной и той же ее части, недалеко друг от друга. В этимологию основы *Gelōnō-* здесь пускаться не будем, хотя и есть у нее балтийские созвучия¹⁶. Кстати, подлинность переданной Геродотом словоформы в двух отношениях неизвестна. Она могла видоизмениться в рукописной передаче под влиянием греческого имени собственного Γέλων, но и до того, за счет посредствующего скифского языка, для которого был характерен переход $d > \delta > l$, так что надо учесть и исконное **Ged-*, перенятое славянами как **Жед-*. Кроме подлинной формы, есть и другая неизвестность, связанная с названием Γελωνός, а именно — относилось ли оно изначально, в качестве топонима, к городу, или, в качестве этнонима, к его тезоименным жителям (Γελωνοί). Геродот уточняет, что у эллинов будины неправильно называются гелонами; согласно ему, гелоны, т. е. жители города Гелона, — греческого происхождения, культурно и расово отличные от окружающих их будинов (Hdt. IV, 108–109). Те эллины, которых он обвиняет в неправильном, обобщающем употреблении имени *гелоны*, очевидно, причерноморские греки, поскольку в их версии легенды о происхождении скифов, приводимой самим Геродотом (IV, 8–10), Гелон фигурирует наряду со Скифом и Агафирсом как родоначальник-эпоним целого народа (т. е. тех, кого Геродот называет будинами), а не только греческого анклава в их стране, которому одному, по его утверждению, подходит имя *гелоны*. Следовательно, сведения о будинах, включая и само название Βουδῖνοι, Геродот черпал из какого-то другого источника, негреческого и, по всей вероятности, скифского. Возможная причина двуименности будинов-гелонов состоит в том, что греки обозначали их именем Γελωνοί, предположительно восходящим к самоназванию, тогда как у скифов для гелонов было свое, древнеиранское название, передаваемое Геродотом как Βουδῖνοι. В скифском языке геродотового времени зубной свистящий δ не отражает древнеиранское **d*, которое в нем уже перешло в *l* (ср. Σκόλοτοι, Παράλαται = *paradata-*), а, как в древнеперсидском, и.-е. звонкий палатальный **ǵ(h)*, т. е. соответствует авестийскому и мидийскому *z* [Витчак, там же; Лома, 2000, 342]. Ввиду этого можно сравнивать скиф. **Būdīna-* «будины» с авест. *būza-* «козел», мидийскими антропонимами в эламской передаче *Būza-*, *Būzina-*. «Козлы» — насмешливое прозвище, мотивированное, скорее всего,

¹⁶Ср. др.-прус. Nom. pr. *Gelune* и т. п. [Топоров, 1979, 198, s. v. **gel-*].

культовыми обычаями гелонов, якобы совершавших через каждые два года празднества с оргиями в честь Диониса, греческого божества, представляемого в виде козла¹⁷. Скифы ощущали особое отвращение к оргиастическому культу Диониса, ярким свидетельством чего является геродотовский рассказ о царе Скилле (IV, 78–80), которого свои казнили из-за заимствования эллинских обычаев, в частности совершения вакханалии¹⁸. Существование чуждых обрядов, похожих на дионисийские, у их северных соседей, вроде почитания козла, которое засвидетельствовано у древних прусов и, вероятно, связано с культом бога плодородия Пушкайтса [Топоров, 1974, 20–22], могло дать повод скифам сложить версию о греческих переселенцах в глубине материка.

Нельзя сказать, что наш поиск страны будинов привел к однозначным выводам; наши топонимические и источниковедческие наблюдения в большой мере гипотетичны. Неоспоримо доказать, что Курск — аристотелевский Кариск и тем самым город с древнейшей родословной в северо-восточной Европе, мы не в состоянии. Здесь, пожалуй, невозможно ожидать счастливую находку, подобную той, когда выдающийся археолог Драгослав Срелвич (Срејовић), исследовавший руины римского дворца в северо-восточной Сербии и уже выступивший с предположением, что это была древняя Ромулиана, обнаружил там архивольт с надписью *Felix Romuliana*. Тем не менее, учитывая совокупность взаимосвязанных фактов, кажется, что выдвинутое нами отождествление приобретает некоторую степень вероятности.

Последнее слово будет за археологами. Ничего похожего на описанный Геродотом город Гелон пока не обнаружено на территории племен юхновской культуры. Вопреки возможным преувеличениям и фантастическим добавлениям в этом описании, Гелон, а вероятно, и знакомый Аристотелю Кариск, должны были быть городскими центрами гораздо большими, чем раскопанные до сих пор юхновские городища.

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I–V. М.; Л., 1958–1995.

Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979. С. 272–346.

Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., испр. и доп. М.; Новосибирск, 2000.

¹⁷Ср.: «Там [в Гелоне] есть святилища эллинских богов, по-эллиниски снабженные кумирами, жертвенниками и деревянными храмами, и в честь Диониса они через каждые два года совершают празднества с оргиями» (Hdt. IV, 108; перевод В. В. Латышева [ВДИ, 1947/2, 278]).

¹⁸«Скифы осуждают эллинов за их вакхические празднества, говоря, что не подобает выдумывать такого бога, который приводит людей в исступление» [Там же, 273]. Подробнее см.: [Лома, 1997, 160–162].

- ВДИ — Вестник древней истории. М.; Л., 1948/2.
- Веске М. В. Славяно-финские культурные отношения по данным языка // Изв. общ-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те. Т. 8. Вып. 1. Казань, 1890.
- Витчак К. Т. Скифский язык: опыт описания // Вопр. языкозн. 1992. № 5. С. 50–59.
- Журавлев А. Ф. Российская городская геральдика и наивная этимология // Словенска етимологија данас: 36. симпозијума. Београд, 2007. С. 133–153.
- Лома А. “Дрвоједи” // Кодови словенских култура. 2. Београд, 1997. С. 153–162.
- Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. I. Екатеринбург, 2001.
- Нерознак В. П. Названия древнерусских городов. М., 1983.
- Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966.
- Поспелов Е. М. Географические названия мира. Топонимический словарь. М., 1998.
- Роспнд Ст. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточно-славянская ономастика. М., 1972. С. 9–89.
- Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М., 1979.
- СДПИС — Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. М., 1995.
- Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.
- Смолицкая Г. П. Топонимический словарь Центральной России // Рус. речь. 1994–2001.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л.–СПб., 1965—... . Т. I—... .
- Стрижак О. С. Етніонімія Геродотової Скифії. Київ, 1988.
- Топоров В. Н. Об индоевропейских соответствиях одному балтийскому мифологическому имени. Балт. *Puš(k)ait-*: др.-инд. *Pūśán*, др.-греч. *Πύς* // Балто-славянские исследования. (1) М., 1974. С. 3–36.
- Топоров В. Н. Прусский язык: Словарь. Е—Н. М., 1979.
- Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов верхнего Поднепровья. М., 1962.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1986–1987.
- Яценко А. И. Топография Курской области. Курск, 1958.
- Яценко А. И. Курск. К 1000-летию основания // Рус. речь. 1973. № 7/3. С. 134–135. (Цит. по: Zpravodaj Místopisné komise ČSAV. XV. 1974/1. Praha, 1974, S. 144).
- Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. I–II. Göttingen, 1962–1965.
- Harmatta J. Herodotus, Historian of the Cimmerians and the Scythians // Hérodote et les peuples non Grecs Vandœuvres; Genève, 1990. (Entretiens sur l’antiquité classique. XXXV). P. 115–130.
- Loma A. Vorskavisches Substrat in der Toponymie Serbiens // Die Welt der Slaven. XXXVI. München, 1991. S. 99–139.
- Loma A. Skythische Lehnwörter im Slavischen. Versuch einer Problemstellung // Studia etymologica Brunensia. 1. Praha, 2000. S. 333–350.
- Mayrhofer M. Einiges zu den Skythen, ihrer Sprache, ihrem Nachleben (= Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse, Sitzungsberichte. Bd. 742; Veröffentlichungen zur Iranistik Nr. 36). Wien, 2006.
- Meillet A. Études sur l’étymologie et le vocabulaire du vieux slave. 2. Paris, 1905.
- Müllenhof K. Über die herkunft und sprache der pontischen Scythen und Sarmaten // Monatsbericht der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. 1866. August. S. 549–576.
- Otrębsky J. Gramatyka języka litewskiego. T. II // Nauka o budowie wyrazów. Warszawa, 1963.
- Popović I. Bemerkungen über die vorskavischen Ortsnamen in Serbien // Zeitschrift für slavische Philologie. 28. Leipzig; Heidelberg, 1960. S. 101–114.
- Schmitt R. Die skythischen Personennamen bei Herodot // Annali, Università degli studi di Napoli “L’Orientale”. 2003/63. S. 1–31.
- Schramm G. Norpontische Ströme. Namenphilologische Zugänge zur Frühzeit des europäischen Ostens. Göttingen, 1973.

- Smoczyński W.* Słownik etymologiczny języka litewskiego. Wilno, 2007.
- Szemerényi O.* Four Old Iranian ethnic names: Scythian — Skudra — Sogdian — Saka. Wien, 1980.
(Перепечатано в: *Szemerényi O.* Scripta minora. IV. Innsbruck, 1991. P. 2051–2093).
- Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. II/2. Paris, 1958.
- Vasmer M.* Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I // Die Iranier in Südrußland (Veröffentlichungen des baltischen und slavischen Instituts an der Universität Leipzig. 3). Leipzig, 1923. (Цит. по: [Vasmer, 1971 (I), 107–170]).
- Vasmer M.* The Meaning of Russian River Names // Oxford Slavonic Papers. 1956/6. P. 44–55. (Цит. по: [Vasmer, 1971 (II), 765–775]).
- Vasmer M.* Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde. I–II. Wiesbaden, 1971.
- WBRGN — Wörterbuch der russischen Gewässernamen / Zsgest. von A. Kernd'l, R. Rihhardt u. W. Eisold, unter Leitung von M. Vasmer. Bd. II. Berlin; Wiesbaden, 1963.